

РЕПЕРТОРИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ГРЕЧЕСКИХ ФАКТОРИЙ В ЕГИПТЕ

В дополнение к исследованиям египетских заимствований в греческом языке, изложенным автором в специальной работе¹, в настоящей статье рассматривается еще несколько заимствований, относящихся ко времени после появления в Египте греческих факторий², а именно слова: ἱκριβής «скаред», μέτρον «мера вместимости» (и другие значения), σάραχος «(служитель), подметающий (государственные) зернохранилища» и τιθαίβωσσω «гнездиться» (о пчелах).

Экономическую суть представленных ниже значений, а соответственно и хронологическую принадлежность объясняемых слов, я ниже нарушаю лишь одним словом: глагол ἱρῶμαι «прихожу на помощь» пришлось привлечь на правах историко-звуковой параллели к моему объяснению слова σάραχος.

Ἀκριβής 1) «дотошный», 2) «скаред»

Из перечисления в словаре Буазака мнений индоевропейцев о происхождении этого слова видно, что ни одно из мнений, до сих пор предложенных, убедительностью не отличается. К этим мнениям следует, впрочем, присоединить еще замечания в словаре Лиделла и Скотта³: «Значение указывает на ἱκρός, как первую часть слова, но -ίβης остается сомнительным». А следовательно, прибавим, остается сомнительным и сближение с прилагательным ἱκρός.

Приступая к новой попытке объяснения, отдадим себе отчет в следующих значениях: 1) «точный»: а) «дотошный», б) о точном смысле слова, 2) «скаред, скупердый, бережливый»,

¹ П. В. Ериштедт, Египетские заимствования в греческом языке, М.-Л., 1953.

² См. там же раздел «Поздние заимствования», стр. 97—131, где рассмотрены слова: βάρις «судно», ἐστις «вино», ἐρυσίζω «быть зараженным мучнистой росой», μέσος «полный», μέσση «наполнение», μῆρυξίω «жевать жвачку», σάρον «метла», σωρίς «куча (зерна)», σπείρω «сеять», ὄσχος «виноградная ветка с гроздьями».

³ H. G. Liddell and R. Scott. Greek-English Lexicon, Oxf., 1948.

На основе данных египетского языка напрашивается мысль, что вторая часть слова, оставшаяся неясной авторам греко-английского словаря, подлежит отождествлению с египетским существительным *ib* «сердце»¹. А относительно первой части *ḫr-* нельзя не подумать о возможной предшественнице причастной формы глагола, звучащего по-коптски *okt* «становиться твердым, замерзнуть, окоченевать».

Сочетание обеих составных частей в египетском языке дало бы звуковой состав **akr-ib* «холодносердечный, с холодным сердцем». Нет надобности пояснять, как хорошо такое более древнее значение подошло бы к значениям греческого слова.

Однако, указывая на коптский глагол *okt*, мы не можем не отметить, что египетской лексикографии неизвестен такой глагол, к согласным составным частям которого могли бы быть возведены порознь согласные составные части глагола *okt* в порядке восстановления спонтанной истории звуков. Но зато известен другой глагол, способный сослужить нам ту же службу. Этот глагол гласит *ḡb* и представлен по-коптски в форме *okḡ* со значениями «охладевать, замерзнуть». Если мы предположим словосложение, содержащее в качестве первой составной части причастие глагола *ḡb*, которое дало бы по-коптски **akb*, а в качестве второй составной части — существительное *ib*, которое по-коптски могло бы звучать **i:b*, то у нас получится сложное имя, дважды содержащее согласный [b]. Мы уже знаем из другого случая происхождения коптского слова из египетского слова, дважды содержащего губной, что эти условия являлись поводом к диссимиляции. А именно, мы знаем, что сочетание **teḃ'pōse* «жженный кирпич» давало по-коптски *teḃ'pōse*². Соответственно у нас получится, что греческое прилагательное *ḫrῖβης* в египетском прошлом проделало развитие **ḡb-ib > *ḡg-ib*. А устанавливая элемент фонетической комбинаторности в развитии египетского преемника греческого прилагательного *ḫrῖβης*, мы тем самым объясним звуковой состав коптского глагола *okt* «замерзнуть», как обратное образование от сложного имени **akr-ib*, что образовано из **akb-ib*. Древнейшим в наших источниках проявлением египетской диссимиляции, отразившейся в звуковом составе греческого слова *ḫrῖβης*, является само это греческое слово.

Μέτρον «мера вместимости» (и другие значения)

Русское слово «метр», как обозначение меры длины, происходит, как известно, в конечном итоге из греческого языка. Принятое во французский язык во время французской революции, оно вместе с метрической системой вошло во всемирную терминологию мер. В связи с этим не может не представлять интереса вопрос, как и когда слово *μέτρον* появилось в греческом языке. На этот вопрос уже дало свой ответ сравнительное языковедение индоевропейских языков. Согласно ему, слово *μέτρον* входит уже в древнейшую фазу развития греческого языка, ту фазу, которая представлена эпосом «Илиады» и «Одиссеи», притом слово *μέτρον* считается греческим отражением истории слов индоевропейской давности. Но исследуя иноязычные способы происхождения греческих слов — способы, не относящиеся непосредственно к сравнительной грамматике индоевропейских языков, мы ставим наново вопрос о значительном ряде греческих слов, между прочим — относительно происхождения слова *μέτρον*. Появляется вопрос о возникновении этого слова не без участия словарного заимствования, и притом заимствования из языка Египта. При исследовании египетского языка оказывается, что то из значений греческого слова, которое относится к протяжению предметов, не является первоначальным значением слова. Более древним, чем это значение, является значение «мера вместимости».

Объясняя слова *μέστος* «полный» и *μέσις* «наполнение» как заимствования — заимствования особого рода — из египетского языка³, я воздержался от соответствен-

¹ Относительно гласного этого слова ср. *ḫ.t tḡ hr ib* = *Ḥḏrῖβης*.

² Ср. P. Jernstedt, *Graeco-coptica*, ZfÄS, 64, 1929, стр. 122—135, в частности стр. 124 сл.

³ П. В. Ерништедт. Египетские заимствования в греческом языке, стр. 102 сл.

ного освещения слова μέτρον только потому, что в отношении его находился во власти давнего предрассудка сравнительного языкознания¹. На самом деле слово μέτρον содержит тот же самый первый элемент, как и слова μέσσις и μέσφα, и характеризуется так же как эти слова, непосредственностью сцепления с этим элементом такого-то греческого суффикса. Ввиду того, что существительные с суффиксом -τρον обозначают те средства или орудия, при помощи которых совершается действие, выражаемое тем глаголом, от которого данное образование на -τρον произведено, слово μέ-τρον может быть дословно передано как «орудие наполнения»². Такое наименование неплохо подходит к мере вместимости.

Если я прав, причисляя слово μέτρον к тому же времени, к которому относятся μέσσις и μέσφα, то надлежит объяснить, как это вяжется с тем фактом, что μέτρον встречается уже у Гомера. С этой точки зрения необходимо рассмотреть все места у Гомера, где упоминается слово μέτρον и слова, от него производные, первым делом со значением «мера вместимости». Примечательно, что комментаторы Амеис и Гентце в качестве значения слова μέτρον указывают «полноту меры».

А. μέτρον = «мера вместимости», или, дословно, «орудие наполнения», т. е. та мера объема, при пользовании которой производилась сдача тех или иных количеств таких-то продуктов, а далее обозначаемая такой мерой количественность, в цифрах именно этой меры:

«Илиада», 7, 470³:

Двум Атрея сынам, Агамемнону и Менелая,
Тысяча мерок (μέτρα) вина посылалась Евнеем отдельно.

«Илиада», 23, 267:

«Третьему приз — прекрасный котел, на огне не бывавший. Белый, блестящий еще, в четыре вместимостью меры (μέτρα)».

«Илиада», 23, 741:

«... кратер для вина, шестимерный (ἑξ...μέτρα)...». Ср. также «Илиада», 23, 264:
«Также и в двадцать две меры (μέτρον) треножник ушатый поставил, —»

«Одиссея», 2, 355:

«... и чтоб в каждом из них заключалось двадцать мер (μέτρα)».

Б. μέτρον = 1) «мера длины», 2) «предел расстояния»:

«Илиада», 12, 421—422:

«... как два человека на поле, обоим им общим,
С мерой (μέτρα) в руках, меж собой о меже разделяющей спорят».

«Одиссея», 4, 389 (= «Одиссея», 10, 539):

«... чтоб он тебе указал дорогу и меры (μέτρα) пути...»

«Одиссея», 13, 100:

«... а внутри его остаются без привязи корабли, когда они достигнут предела причала (ἵρμιον μέτρον)».

К μέτρον как обозначению «меры длины» примыкают глаголы μέτροω «измерять» и ἀναμέτροω «вновь измерять» — переносно о вторично преодолеваемом пути:

«Одиссея», 3, 179:

«... измерив (μετρήσαντες) обширное море, мы возложили много бедер быков для Посидона».

¹ Fritz Bechtel, Die Hauptprobleme der indogermanischen Lautlehre seit Schleier, Göttingen, 1892, стр. 60 и 241.

² Оно станет вполне понятным, если подтвердится мысль о том, что отсеки в зернохранилищах были рассчитаны на вполне определенные количества зерна, что заполнение таким-то количеством зерна фактически осуществлялось и что — а это главное — под цифрой заполненной кубатуры разумелось целое число кратного емкости того самого измерительного приспособления, при помощи которого производилась всыпка.

³ Стихотворные переводы «Илиады» даны по В. В. Вересаеву, «Одиссеи» — по В. А. Жуковскому. Переводы прозой принадлежат автору настоящей статьи.

«Одиссея», 12, 428:

«быстро явился Нот, неся мучения моему сердцу, чтобы я еще раз измерил (ἀναμετρουσαιμι) гибельную Харибду».

Мέτρον в словосложениях: μέτρον — «мера вместимости», или протяжения, в качестве составной части сложного прилагательного περίμετρος «очень большой», например:

«Одиссея», 2, 95:

«Она ткала, установив себе в чертогах большую ткань на станке, тонкую и огромную» (περίμετρον).

В. Μέτρον — «мера времени, возраста или степени развития живого организма»:

«Илиада», 11, 225:

«После того как предела достигнул он юности (ῥῆθης...μέτρον) славной...»

«Одиссея», 11, 317:

«... и угрозу б они совершили, когда бы достигли

Мужеской силы (ἡβης μέτρον)...

Более точным был бы перевод: «предела возмужания».

К разным выше названным разрядам можно считать примыкающим μέτρον в переносных обозначениях численности или интенсивности в составе сложных слов: ἀμετροπῆς «неумеренный в словах», ἀμέτρητος «неизмеримый»:

«Илиада», 2, 212:

«Яро шумел лишь Ферсит, совершенно в речах безудержный».

«Одиссея», 19, 512:

«а мне божество уделило горе неизмеримое».

«Одиссея», 23, 249:

«но и впредь будет неизмеримое мучение».

Возникновение Одиссеи считается не древнее времени появления факторий в Египте. Следовательно, для нас вопрос здесь стоит о возникновении тех частей «Илиады», из которых взяты вышеназванные примеры слова μέτρον. Если именно эти части «Илиады», в свою очередь, могут считаться не древнее, чем появление факторий, то со стороны эпоса ничто не противоречит появлению у греков слова μέτρον в начале второй, более поздней, поры заимствований. Вопрос стоит о следующих частях «Илиады»: 2, 212; заключительные стихи 7-й песни, упоминающие Евнея; 11, 225¹; 12, 421 и 422, тяжба на поле; 23, 264 и 741, состязания в честь Патрокла. Повидимому, ни одно из этих мест не подлежит датировке более ранней, чем VII в., а в VII в. данное заимствование могло состояться заодно с уже рассмотренными заимствованиями более позднего времени — времени факторий².

Σάραχος (служитель), подметающий (государственные) зернохранилища

В дополнение к объяснению, данному в книге «Египетские заимствования в греческом языке» (стр. 115 — 120) слову σάρον «метла», следует упомянуть еще глоссу Гесихия σάραχος σπρητής, ὁ σάρων τὰς δημοσίας στοάς.

¹ В отношении 11-й песни «Илиады» см. W. S c h a d e w a l d t, Ilias-studien. Abhandlungen d. Philolog.-hist. Klasse d. Sächsischen Akademie d. Wissenschaften, Nr. 6, Lpz, 1938. За указание на эту работу я обязан проф. И. М. Тронскому.

² В связи с тем, что появление греческих факторий в Египте предшествовало окончательному установлению читаемого нами текста не только «Одиссеи», но и «Илиады», наличие какого-либо данного слова в обеих поэмах само по себе еще отнюдь не доказывает, что данное слово может быть безоговорочно отнесено к исследовательскому материалу сравнительной грамматики индоевропейских языков. Принадлежность к Гомеру так же мало равносильна паспорту в сравнительную грамматику (или этимологический словарь) индоевропейских языков, как нахождение у Асвагиши санскритского слова khalīna ≪ χαλῖνος «узда» уполномочивает на включение соответствующего «древнеиндийского» слова в одно из таких пособий. Слово khalīna в Индии не древнее индийского похода Александра, но могло бы явиться и значительно позднее его.

Понимая глоссеми этой глоссы, как указано в заголовке, я полагаю, что в лексикографических сведениях, использованных Гесихием, под словом *στοα* разумелось не значение «колоннада», а другое значение этого слова — «склад» или «место хранения», точнее же — «зернохранилище».

Такое понимание глоссемы мне представляется неопровержимым. Ведь, допустим, нам удалось бы показать, что современники Гесихия под словом *στοα* разумели «колоннаду», в отличие от «склада» или «места хранения», все же относительно источника данной глоссы останется неопровержимым допущение, что в основе смысла глоссемы лежит сельскохозяйственное понимание слова *στοα*. Именно с таким пониманием глоссемы представляется возможным согласовать этимологический анализ леммы средствами египетской лексики и египетского словообразования. Я имею в виду анализ, напрашивающийся при учете того, что: 1) первая половина слова *σάραχος* в существенной части созвучна с читаемым в глоссеме глаголом *σάρω* «мести», производным от имени *σάρω* «метла»; 2) в глоссеме речь идет о действии подметания.

Это сочетание фактов, относящихся к соответствию смысловых элементов той и другой части глоссы, настолько разительно, что нельзя, исходя из нее, не попытаться взаимно связать, с одной стороны, ту, на первый взгляд, этимологически неясную заключительную часть слова *σάραχος*, которая остается за вычетом части этого слова, созвучной с основной частью слова *σάρεν* египетского происхождения, и, с другой стороны, — указания того объекта действия «подметания», которое читается в толковании помимо слов *στρέτης ὁ σάρων* «служитель, подметающий...». Эта попытка приводит к предположительному уравнению $-αχ(ος) = \text{«зернохранилище»}$. Иначе говоря: нашей задачей оказывается разгадка звуко сочетания $-αχ(ος)$, как вероятного обозначения объекта действия подметания, выраженного причастной формой *σαήν*- глагола *σάω*: *ήν* «подметать». Правильная разгадка должна, очевидно, заключаться в привлечении такого египетского слова, звуковой состав которого так или иначе (разумеется, с учетом фонологического различия между тем и другим языком, а также звукового развития греческого языка) подойдет к составу звуков $-αχ(ος)$ греческой передачи, а значение которого будет сопоставимо со значением «зернохранилище». Обоим требованиям отвечает египетское слово *ḥ'w*, означающее «клад» и отражаемое коптским словом, известным в следующих диалектных вариантах: *aḥo* (саидский и бохайрский), *śho* (ахиммский), *aḥa* (файюмский), означающих «клад» и «склад, хранилище», между прочим — «зернохранилище» (ср. совмещение этих значений словом *θησαυρός*). Для египетского глухого фарингального спиранта [h], не только подвергавшегося искони той же передаче у греков, как и голосовосвязочный спиронт [ḥ], но, очевидно, и сохранившего с последним ко времени позднейших заимствований, особое греческое воспроизведение его между гласными либо не проявлялось в письме, либо вовсе отпадало в связи с присутствием того отвечавшего написанию [r] звука, который известен своим безразличным отношением к аспирации. Это значит, что египетское слово, когда-то в прошлом звучавшее **saḥr-aḥo*, теперь, у современников Гесихия, в одном из северных диалектов египтян-коптов звучало бы **saḥr-aḥo*, а греческая передача, как она была доступна грекам, в письменном ее проявлении должна была дать **σάραχος* в том случае, если судьба междугласного [h] зависела только от его непосредственного окружения. По поводу ударения на третьем от конца слоге нужно учесть сказанное мной в книге «Египетские заимствования в греческом языке» (стр. 182): «...Принципиальная сторона наблюдаемой пестроты трактовки обусловлена тем или иным размежеванием сфер, сферы независимости места ударения от значения, с одной стороны, и сферы зависимости от значения — с другой стороны. Первая сфера стоит под знаком использования трехслогового диапазона отдаленности ударения от конца слова. Сюда же относится редкий случай аналогии чисто формальной. Вторая сфера стоит под знаком разнообразного формального подчинения влияниям семантики, либо грамматической, либо лексической, на почве аналогии». Что же касается согласного, скрывающегося за написанием γ, при нахождении данной артикуляции перед гласным заднего ряда, то, по крайней мере относительно всеобщей практики греков времени

Гесихия, мы не можем сомневаться, что за этим написанием скрывалась та же артикуляция, которая соответствует написанию γ перед задними гласными в новогреческом языке, иначе говоря — звонкий заднеязычный спирант.

Если можно, в отношении истории значения, считать справедливым объяснение глагола $\dot{\alpha}\rho\gamma\omega$, как означающего «приходить на помощь, спасать, защищать», из египетского глагола $\dot{h}a'ge : he$, как означающего «сохранять», то объяснение истории глагола $\dot{\alpha}\rho\gamma\omega$ представится убедительной аналогией объяснения слова $\sigma\alpha\rho\alpha\gamma\omicron\varsigma$ из $\dot{s}a\dot{h}r-a\dot{h}\omicron$ и в том смысле, что в обоих случаях два глухих фарингальных в условиях нахождения между ними согласного [r], при восприятии данных слов греками, диссимилировали друг друга: в то время как первый фарингальный подлежал восприятию в качестве придыхания, второй стал восприниматься в качестве звонкого заднеязычного смычного. Придыханию не принадлежала у греков роль особой фонемы, когда оно непосредственно соприкасалось с [r], случай со словом $\dot{s}a\dot{h}r-a\dot{h}\omicron \rightarrow \sigma\alpha\rho\alpha\gamma\omicron\varsigma$. Акустическим путем оно далее выполнило роль, состоявшую в том, что оно привело к возникновению [g] на месте дальнейшего [r]. Такое же придыхание подлежало дру- ой участи, а именно — сохранению тогда, когда оно находилось в начале слова перед гласным в слове $*\dot{h}a'ge : he \rightarrow *\dot{\alpha}\rho\gamma\omega$. Это сближение может быть нами использовано только в том смысле, что греки должны были не только слышать в абсолютном начале египетского глагола звук, подлежавший воспроизведению придыханием, но, соответственно этому, после заимствования и произносить его. Это же не исключается и фонологией того случая, когда за начальным слогом — [h] + гласный — следует [r].

Следовательно, придыхание в начале этого слова могло отсутствовать только в силу исключительности данного наречия. Если это слово будет обнаружено у греков, сохранивших придыхание, то в письме, имеющем особую букву для придыхания, такая буква должна в этом слове присутствовать. Ее отсутствие в соответствующем источнике будет равносильно ошибочности сближения энического глагола $\dot{\alpha}\rho\gamma\omega$ с египетским глаголом $*\dot{h}a'ge : he$. Египтологическое объяснение слова $\sigma\alpha\rho\alpha\gamma\omicron\varsigma$, — такое которое всецело отвечало бы его лексическому значению и в то же время орудовало бы со звуками, годными, с точки зрения истории звуков того и другого языка, в прямые, в отношении места артикуляции, исторические предшественники звука, обозначенного написанием γ , — такое объяснение едва ли осуществимо. Соответственно нам приходится считать звук, обозначаемый написанием γ , в составе слова вторичным в смысле одной из двух следующих возможностей, окончательный выбор между которыми я пока произвести не в состоянии.

Одна из двух возможностей заключалась бы в предположении артикуляторно-промежуточного характера звука на стыке артикуляций [a] и [o] после того, как [h] между ними перестал быть произносимым. Такое объяснение написания γ между гласными предполагает, что звук, легший в основу этого написания, возник здесь весьма поздно.

Другая возможность — я определенно склоняюсь к ее предпочтению — подсказывается значительностью сходства между гомеровским глаголом $\dot{\alpha}\rho\gamma\omega$ «приходить на помощь, защищать» и демотически-египетским глаголом $\dot{h}r\dot{h}$ «сохранять». Устанавливать это сходство в его полном объеме, т. е. принимая во внимание также подлежащую учету диахронику, значит учить, 1) что отсутствие придыхания в начале гомеровского глагола может быть основано на исключительности данного диалекта или данного литературного диалектического источника, иначе говоря — что звуковой состав $\dot{\alpha}\rho\gamma\omega$ может восходить к $*\alpha\rho\gamma\omega$ и 2) что заднеязычный смычный мог в порядке диссимиляции на греческой почве или уже при восприятии слова греками встать на место фарингального спиранта (т. е. что $*\dot{h}a'ge : g\dot{o}$: получилось диссимиляционным путем из $*\dot{h}a'g\dot{e} : h\dot{o}$:).

Следующие формы коптских диалектов мы имеем в виду, когда восстанавливаем полный звуковой состав глагола $\dot{h}r\dot{h}$, известного в таком составе согласных $\dot{h}r\dot{h}$ из демотики: $\dot{h}a'g\dot{e} : he$ (редко по-саидски), $\dot{a}'g\dot{e} : h$ (редко по-саидски, а также по-субахимски), $\dot{h}a'g\dot{e}h$ (нормально по-саидски), $\dot{a}'g\dot{e}h$ (по-саидски и по-бохайрски).

Если мы положим в основу сопоставления тот вариант слова, который имеет глухой фарингальный [h] в обоих слогах глагола [hʁh], содержащих спирант, то убедимся в той доле сходства, которая существует между *saʁr-a'ho, с одной стороны, и *ha'gē:he — с другой.

Τιθαίβωσσω «гнездит^{ся}» (о пчелах)

До какой степени этот глагол казался этимологически неясным, видно из того, что, как отмечено в словаре Аутенрита, один ученый предлагал такое объяснение: τιθαί «пчелы-работницы», βωσσωσι «жужжат» (оба слова являются плодом фантазии).

Единственный гомеровский пример этого глагола читается в описании пещеры у той гавани острова Итака, в которую феаки привезли спящего Одиссея; там читаются между прочим следующие два стиха:

ἐν δὲ κρητῆρες τε καὶ ἀμφιφορῆες ἔασιν (v 106)
 λαῖνοι-ἐνθα δ'ἐπεῖτα τιθαίβωσσωσι μέλισσαι

«в ней находятся каменные кратеры и амфоры;
 там же гнездятся также пчелы».

Глагол τιθαίβωσσω читается, помимо настоящего места «Одиссеи», только еще у Никандра и Ликофрона. Он еще не получил надлежащего объяснения. Яена его суффиксация: в отношении ее он сопоставим с глаголами ἀναίρωσσω, ὑπάρωσσω.

Предшествующую основную часть слова я сопоставляю с коптским существительным 'taibe «ящик, гроб, торба». Зубной смычный аспирирован, как тому и следует быть в греческих египтизмах после гласного. Предшествующий слог [ti-] может на эллинистов произвести впечатление презентического удвоения. Но если мы правильно произвели глагол от существительного жепского рода 'taibe, то естественно в слогe ti- усматривать отражение женской формы одного из коптских артиклей, а именно того из них, который совпадает с кратчайшей формой указательного местоимения. По-коптски ti 'taibe означало бы «(этот определенный) ящик». Я полагаю, что греками существительное было усвоено в качестве начинающегося со слога [ti] именно под влиянием того, что этот слог напоминал презентическую редупликацию того глагола, образование которого сопутствовало заимствованию существительного. Предполагаю, что существительное с указанным древним значением обозначило и «улей». Тогда значение «гнездиться (в улье)» было первоначальным значением глагола, но думается, что, отправляясь от этого значения, глагол мог обозначать «гнездиться» и о таком рое диких пчел, который, очевидно, имеет в виду позт. Аутенрит в словаре к Гомеру предполагал, видимо, с вопросом то же значение (sie bauen). Если справедлива мысль о том, что гомеровское обозначение улья — того же происхождения, то это положение следует обосновать и культурно-исторически. Напршивается мысль, что за египетским происхождением слова для обозначения «улья» стоит факт заимствования греками у египтян основных приемов, связанных с использованием пчел человеком¹.

*

Египтизм аттического диалекта λαίρωσσω «страдать прожорливостью»

Глагол λαίρωσσω [Aristophanes, Ecclesiazusae, 1176; ср. Herodas. VI, 97 (-σσαι)] представляется производным от существительного λαίρος «горло» (ср. Boisacq, Dictionnaire étymologique de la langue grecque, s. v. λαίρος). Это мнение основано на общей склонности рассматривать более краткие образования как более древние, несомненно же только словообразовательная соотнесенность между глаголом и существительным. А

¹ По поводу истории значения, т. е. вопроса, какие значения лежат в основе слов, обозначающих «улей», см. G. Meyer, Etymologisches, «Byzantinische Zeitschrift», т. III. 1894, стр. 156—164, под словом βαρδίων. Там упоминаются слова κουφόνη на Лесбосе (<*coffone «большая корзина») и ἀγγεῖον «сосуд». Ср. П. В. Ернштедт, Египетские заимствования в греческом языке, М.—П., 1953, стр. 44 сл.

это еще не решает вопроса о подлинном генезисе глагола $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\tau\tau\omega$. В том, что генезис этого глагола до сих пор не искали в языке Египта, может быть, повинно то обстоятельство, что в звуковом составе слова есть элемент, а именно дифтонг [ai], из египетского языка не объяснимый. Можно предположить, что дифтонг так или иначе, на контаминационных началах, привнесен от слова $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\varsigma$ «горло», но остается неясным, имело ли место влияние самого существительного $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\varsigma$ или же контаминационное влияние исходило от слов, сложных с существительным $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\varsigma$, а именно то глагола $\lambda\alpha\iota\mu\alpha\rho\upsilon\acute{o}$ «быть прожорливым» и существительного $\lambda\alpha\iota\mu\alpha\rho\upsilon\acute{\alpha}$ «прожорливость». Основной же историко-языковой предпосылкой слова $\lambda\alpha\iota\mu\alpha\tau\tau\omega$ явилось египетское имя, отраженное в коптских сложных именах lammat ¹ или lammat «сумасшедший по части утробы». При этом мы отмечаем, что при вгоржении в греческий язык конец египетского слова, как части глагольного словосочетания, был, с некоторой натяжкой, переиспользован в качестве греческого глагольного суффикса - $\tau\tau(\omega)$ настоящего времени. Словообразовательная грамматикализация при помощи суффикса - $\tau\tau(\omega)$ свидетельствует о том, что мы имеем дело с результатом языкового общения египтян с афинянами, в отличие от других греков, в том числе прочих ионийцев. Но едва ли будет правильно объяснять глагол $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\tau\tau\omega$ непосредственно из имени, предшественника коптского имени lammat . Глагол может восходить только к глагольному обороту. Глагол $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\tau\tau\omega$ с его конечным морфологическим показателем глагольности может быть объяснен только из глагольного оборота, т. е. из g lammat . Египетский формальный показатель оглаголенности имен в виде g при переходе слова в греческий язык стал компенсироваться присутствием личного показателя глагольной формы. Восприятию пребывавшими в Египте афинянами конца слова как такой его части, которая напрашивалась на воспроизведение суффиксом - $\tau\tau(\omega)$, отвечало у остальных греков оформление настоящего времени по типу суффиксов - $\sigma\omega$ или - $\zeta\omega$. Вот, можно думать, почему этот же глагол засвидетельствован в формах $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\sigma\sigma\omega$ и $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\zeta\omega$. Такое его оформление возникло только после того, как он из Аттики перешел к другим грекам.

По поводу возникновения варианта $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\zeta\omega$ сравните $\acute{\alpha}\rho\mu\iota\tau\tau\omega$, $\acute{\alpha}\rho\mu\iota\zeta\omega$ и $\sigma\phi\acute{\alpha}\tau\tau\omega$, $\sigma\phi\acute{\alpha}\zeta\omega$. Вторичность формы $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\sigma\sigma\omega$, как содержащей свистящий, приходится считать несомненной с того момента, как нам представится убедительным уравнение между египетским предшественником коптского слова lammat и греческим $\lambda\alpha\iota\mu\alpha\tau\tau\omega$. Здесь мы имеем явный пример того, что междиалектное соотношение - $\sigma\sigma$ ~- $\tau\tau$ основано не на общности додиалектной праформы, а на более позднем восстановлении той разновидности слова, которая содержала неаттический звук - $\sigma\sigma$ -. Такому восстановлению не обязательно происходить только на бумаге. Оно, по крайности, мыслимо относительно вымиравших диалектов, и постольку законен вопрос: где осуществилось восстановление формы $\lambda\alpha\iota\mu\acute{o}\sigma\sigma\omega$ — безусловно ли на почве общения представителей соприкасавшихся диалектов или искусственно, т. е. только в кабинете ученого поэта? Я склонен думать, что справедливо второе.

У Геронды дважды (4, 46 и 7, 18) встречается производное от глагола ругательство $\lambda\alpha\iota\mu\alpha\sigma\tau\rho\omega$. Его можно приблизительно перевести «глотало, ожирало». О. Крузиус (Р. Герцог)² хорошо переводит Freßsack.